

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Эволюция веры: от аниматизма к космическому религиозному чувству

Быченкова Ксения Владимировна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: mc-zena@mail.ru

Проблема религиозного чувства – не только специфически религиозная или психологическая, но и религиоведческая. Так, психологи и философы интересуются вопросом о его врожденности, а религиоведы рассматривают религиозное чувство также в контексте происхождения религии и ее основ. Однако наиболее интересным считается именно синтез различных представлений об этом чувстве – научных, теологических, философских. Проведя подробный анализ некоторых из них, можно прийти к выводу, что зачастую специфика подобного чувства тесно связана с эволюцией человеческого сознания. По мнению архиепископа Афанасия, признающего религиозное чувство врожденным, у человека в период формирования его личности оно трансформируется в зависимости от разных этапов взросления. На первом этапе ребенок полностью зависим от родителей, которые определяют его жизнь и на которых можно уповать. Появление у ребенка веры во всемогущего Бога и страха перед ним определяется наличием у него восприятия «всемогущих» родителей, в частности отца, как верховного авторитета.

В сложный в физическом и психологическом плане подростковый период люди переживают противоречивые религиозные ощущения – своеобразные крайности. Сначала они испытывают резкое, фанатичное усиление веры, а затем – скептицизм. Причинами своеобразного надлома сознания у подростков, как пишет архиепископ, может быть, например, неразделенная любовь. Зачастую молодые люди на волне религиозного фанатизма впадают в мистицизм. Они стремятся к общению с Богом, к уединению. В конце периода полового созревания, который сопровождается накоплением определенного интеллектуального багажа, подростки начинают сомневаться в своей вере, находить логические аргументы против религии. Остро ощущая несправедливость окружающего мира, они разочаровываются в Боге.

Период с 17 до 24 лет архиепископ Афанасий называет периодом гармонизации. В это время бурные проявления человеческих эмоций притупляются, люди приходят в гармонию со своей психикой. В это время завершается формирование взглядов молодых людей, они окончательно смиряются с суровой действительностью и делают о жизни трезвые, основанные на разуме, а не на эмоциях, выводы.[1] Очевидно, что перечисленные стадии созревания религиозного чувства перекликаются с теми стадиями, которые условно можно выделить в романе Роже Мартена дю Гара «Жан Баруа».[6] Главный герой произведения в различные периоды жизни по-разному относится к вере и переживает то фанатичное увлечение ей, то религиозный нигилизм, а в конце жизни, отказавшись от крайнего фанатизма и атеизма, по-новому осмысляет ее. После долгих лет скептицизма и моральных терзаний он приходит к выводу, что на самом деле руководствуется в своей жизни неким сохранившимся в нем религиозным чувством, которое, по его словам, пережило веру. А. Д. Сахаров в книге «Воспоминания» рас-

сказывает о том, что он вырос в религиозной семье и в детстве был под ее влиянием. Затем отказался от официальной религии и церковных догматов, в итоге придя к выводу, что все-таки испытывает своего рода религиозное чувство. Однако это необычное чувство, предполагающее наличие некоторого осмысленного начала в жизни, источника духовной «теплоты». [9] То есть ученый признается, хотя и не раскрывает конкретную эволюцию своих духовных метаморфоз, что ощутил на собственном опыте возможные трансформации этого чувства. При этом оно врожденно, свойственно человеку по природе.

Термином «религиозное чувство» естествоиспытатели оперируют не только ссылаясь на свой личный опыт, но и с научной точки зрения. Так, Альберт Эйнштейн в работе «Религия и наука» вводит понятие так называемого космического религиозного чувства. Он выделяет различные стадии развития религиозных представлений и приводит для их иллюстрации пример истории человечества в целом. Первобытные люди под влиянием страха перед силами природы, смертью и болезнями в своем сознании конструируют некоторое антропоморфное существо, от которого зависят природные процессы и их жизнь. Поэтому путем жертвоприношений пытаются умиловить его. Такого рода религию Эйнштейн называет религией страха. В результате нее человечество формирует новую касту жрецов, посредников между богом и людьми.

Следующий, более серьезный этап формирования религиозных представлений – этап создания моральной и социальной концепции Бога, вызванной общественными чувствами людей. Она, по словам Эйнштейна, проистекает из желания людей найти поддержку и любовь у существа более высокого порядка, нежели у смертных, которые способны ошибаться. Бог в данном случае выступает хранителем и утешителем человечества. Эйнштейн отмечает, что трансформация религии страха в моральную религию, если говорить о Священном писании, заметна на примере перехода к Новому завету. При этом ученый отмечает, что черты моральной религии и религии страха могут присутствовать как в одном типе религии, так и в другом. Кроме того, люди, исповедующие их, зачастую придерживаются антропоморфной концепции Бога и очень редко кто от нее отступает. Однако, по словам Эйнштейна, существует и третья стадия религиозности – космическое религиозное чувство. Он так описывает это чувство: «Индивидуум ощущает ничтожность человеческих желаний и целей, с одной стороны, и возвышенность и чудесный порядок, проявляющийся в природе и в мире идей, – с другой. Он начинает рассматривать свое существование как своего рода тюремное заключение и лишь всю Вселенную в целом воспринимает как нечто единое и осмысленное». [Эйнштейн.: 126] Зачатки этого чувства, по мнению ученого, присутствуют Ветхом Завете, в работах Шопенгауэра, но более всего – в буддизме. Люди, подверженные ему, – обычно гении, они отрицают догмы и антропоморфную природу Бога, поэтому они часто считаются еретиками. Примерами подобным людям могут быть Демокрит, Франциск Ассизский, Спиноза. Искусство и наука, полагает Эйнштейн, помогают поддерживать и передавать это чувство от человека к человеку. Факт самого существования космического религиозного чувства в некотором роде предполагает возможность пересечения науки и религии. Те люди, которые принимают универсальный характер действия закона причинности, не нуждаются в других видах религии. Для них не существует образа Бога, который карает за грехи, так как действия людей обусловлены внешней и внутренней необходимостью, они не отвечают за свои поступки так же, как неодушевленный

предмет за свое движение.[11]

Стоит заметить, что концепция трех стадий религиозного чувства в рамках «взросления» человечества во многом пересекается со стадиями формирования религиозных убеждений во время эволюции психики отдельных людей. Так, причины, по которым человечество, как пишет Эйнштейн, обращается то к одному, то к другому типу веры, схожи с мотивами обращения к религии со стороны неокрепшего в психическом плане ребенка или юноши. Человек сначала боится Бога, также как родителей, и выпрашивает у него игрушки, а человечество боится неизведанного мира вокруг и выпрашивает божественной милости. Человек, страдающий от несовершенства мира, ищет защиты у Бога, а человечество создает моральные концепции религии, в надежде отыскать в них этический авторитет. К космическому религиозному чувству люди приходят на завершающей стадии формирования своей религиозности. Однако, по мнению Эйнштейна, лишь единицы, остальные – остаются в своем сознании на более ранних этапах.

Идея троичности эволюции религиозного чувства отсылает нас также к контовскому Закону трех стадий, предполагающему три уровня развития человеческих знаний – теологический, метафизический и позитивный, и к концепции Блеза Паскаля о возможности деления людей на три типа, в зависимости от их отношения к Богу. Одни обрели Бога и потому счастливы, другие не ищут и несчастливы, а третьи – находятся в поиске. [4,8]

Концепция космического религиозного чувства также напоминает нам идею Рудольфа Отто о чувстве нуминозного.[7] И хотя одно предполагает скорее материалистическую картину мира, а другое – наличие священного, они схожи по своей сути – как некоторые концепции своеобразного всепоглощающего, почти неосознанного, глобального чувства, наполненного благоговением перед космосом, таинственным и познаваемым одновременно. Но чувство нуминозного – скорее первая фаза на пути к космическому религиозному чувству. Некоторое предчувство. И в этом оно схоже с верой в безличную силу (аниматизм), содержащуюся в растениях, животных, людях. Автор термина "аниматизм" Роберт Маретт, называвший силу мана рассеянным религиозным чувством, скорее всего и предполагал у первобытных людей наличие некоторой интуитивной веры во что-то, пока не получившее для них должного определения.[5] Ощущение некоей ужасающей тайны, то есть своего рода *mysterium tremendum*, о котором пишет Отто, как об одной из составляющих нуминозного, похоже на ощущение мистической сверхчувственной силы. В декларации «*Nostra aetate*», принятой на II Ватиканском соборе, упоминается об этом ощущении, свойственном человечеству: «*Iam ab antiquo usque ad tempus hodiernum apud diversas gentes invenitur quaedam perceptio illius arcanae virtutis, quae cursui rerum et eventibus vitae humanae praesens est. . .*» (От самых древних времен по сей день существует у различных народов некое ощущение той таинственной силы, которая присутствует в ходе вещей и в событиях человеческой жизни. . .) [Pope Paul VI.: Sap. 8,1; Act. 14,17]. Фактически это подтверждает идею о вере в безличную силу как о религиозном минимуме. То есть представление о силе, или своеобразной неизведанной тайне, – первично по отношению к представлению о божественном как таковом. Возможно, нечто подобное имел в виду и протопресвитер Александр Шмеман, утверждавший, что *mysterium tremendum* лежит в основе всех религий.[10] Геральд Геффдинг, сравнивающий становление религиозного чувства с развитием инстинкта, утверждал, что это чувство «составляет самую существенную осо-

бенность всех религий и всех религиозных точек зрения». [Геффдинг.: 107] А психолог Уильям Джемс само по себе чувство называл глубочайшим источником религии.[2] Однако зачастую психологический анализ религиозного чувства рассматривает его как некоторую эмоцию, поэтому оспаривает его основополагающую специфику. Таким образом, фактически та стадия религиозного чувства, которая лишена специфической религиозности, зачастую сопровождающаяся отказом от церкви как института, а иногда и вообще от Бога, превращает чувство религиозное в некоторое специфическое ощущение, свободное от конфессиональных и понятийных уз и оставляющее лишь смутную веру в нечто сверхчувственное, сверхъестественное или же в некий вселенский порядок.

Литература

1. Архиепископ Афанасий. Религиозное чувство, Промысел Божий и Духовное призвание. – Свято-Троицкая Православная Миссия, 2001
2. Джемс Уильям. Многообразие религиозного опыта. - М.: Наука, 1993
3. Геффдинг Геральд. Философия религии. – С.-Пб.: Общественная польза, 1936
4. Конт Огюст. Курс позитивной философии Антология мировой философии. Т.3. - М., 1971
5. Маретт Роберт. Формула табу-мана как минимум определения религии // Мистика. Религия. Наука: Классики мирового религиоведения: Антология / Пер. с англ., нем., фр.; Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. — М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011
6. Мартен дю Гар Роже. Жан Баруа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
7. Отто Рудольф. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербур. Ун-та», 2008
8. Паскаль Блез. Мысли. – С.-Пб.: Северо-Запад, 1995
9. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 3 т. / Сост. Боннэр Е. — М.: Время, 2006
10. Шмеман Александр. Дневники. – М. : Русский путь, 2005
11. Эйнштейн Альберт. Собрание научных трудов. - М.: "Наука 1967
12. Pope Paul VI (1965-10-28) Declaratio De Ecclesiae Habitudine Ad Religiones Non Christianas - Nostra Aetate. : Holy See, 2008